

Кажется, он уловил нотку сомнения в голосе бабушки, и в его сердце внезапно зародилось дурное предчувствие.

— С... с Жань-жанем что-то случилось?

Бабушка знала, что внук близок с мальчиком из семьи Ли, поэтому не стала скрывать и со вздохом ответила:

— Эх! Сюмей ушла!

Гролом грянуло в голове Ван Даху. Спустя несколько секунд он сухо спросил:

— Что случилось?

— Говорят, что ушла из дома и до сих пор не вернулась, — в голосе бабушки явно чувствовалась недоговоренность.

В голове Ван Даху невольно всплыл образ незнакомого мужчины, который разговаривал с Кун Сюмей у входа в дом Ли.

Все казалось таким естественным, таким логичным.

Жена, страдавшая от жестокости мужа, наконец, не выдержала физических и моральных мучений и, не раздумывая, сбежала с мужчиной, с которым была знакома раньше или к которому до сих пор испытывала симпатию.

Единственное, что она оставила после себя, — это семилетний ребенок.

— Даху? Даху? — На том конце провода не было слышно звука, и бабушка с тревогой позвала его.

Ван Даху крепко сжал кулак, словно его сердце было наполнено печалью и гневом.

Деревня Синье, восточная окраина.

Сунь Дачжуан с тремя или четырьмя мальчишками злоумышленно окружили Ли Цинжана.

— Что вы хотите? — Ли Цинжань поднял голову, его маленькое лицо было холодным и злым.

Сунь Дачжуан, увидев, что его окружили, но он все равно ведет себя так дерзко, еще больше разозлился. Он всегда был деревенским хулиганом, и почти все дети слушались его, кроме Ли Цинжана, который никогда не обращал на него внимания. Каждый раз, когда они встречались, он либо игнорировал его, либо насмеялся над ним. И этот убудок всегда мог дать отпор словесно, так что Сунь Дачжуан никогда не мог его переспорить. Но на этот раз...

— Ли Цинжань, — Сунь Дачжуан ухмыльнулся со злым умыслом. — Слышал, твоя мать сбежала с другим мужиком? Естественно! Такого убудка, как ты, могла родить только шлюха!

— Что ты сказал! — Глаза Ли Цинжана мгновенно налились кровью. — Не смей говорить так о моей маме!

— Буду говорить! Буду! Кун Сюмей — стерва, Кун Сюмей — шлюха! — Сунь Дачжуан кричал и прыгал, невозможно было представить, что такие грязные слова могут вылетать из уст такого маленького ребенка.

Ли Цинжань, с налитыми кровью глазами, словно разъяренный зверек, бросился на него. Сунь Дачжуан ахнул и с грохотом упал на землю.

Но Ли Цинжань, в отличие от крепкого Ван Даху, не смог долго сопротивляться и был быстро отброшен.

— Эй, вы! — Сунь Дачжуан, тяжело дыша, крикнул остальным детям. — Бросьте этого паршивца в выгребную яму!

Дети бросились на Ли Цинжаня, кто схватил за руки, кто за ноги, и вскоре он был поднят.

В деревнях обычно выкапывали ямы на полях, куда сбрасывали навоз людей и животных. Это решало проблему гигиены, а также позволяло использовать отходы в качестве удобрения. Сунь Дачжуан, глядя на Ли Цинжаня, который уже наполовину висел над ямой, с самодовольной улыбкой произнес:

— Паршивец, если ты извинишься передо мной, я тебя отпущу. Если нет — брошу тебя в навоз!

Ли Цинжань крепко стиснул зубы, его глаза горели еще яростнее.

— Отец — сумасшедший, мать — шлюха, сын — ублюдок, ваша семья — идеальная пара, — Сунь Дачжуан, прыгая от злости, закричал. — Бросайте его!

Плюх...

Маленькое тело Ли Цинжаня мгновенно упало вниз, погрузившись в навоз.

Черная, зловонная масса заставила его отчаянно пытаться выбраться наверх, но его снова и снова безжалостно сбрасывали обратно.

Издали доносились торжествующие крики Сунь Дачжуана и его компании.

В сердце Ли Цинжаня поднялась волна бесконечной ненависти и унижения.

Может, просто умереть? — в этот момент он отчаянно подумал.

Ведь даже мама меня бросила, в этом мире больше нет никого, кто бы заботился обо мне и любил меня.

Просто умру!

После смерти, может, мое сердце больше не будет так болеть.

— Жань-жань!!!!

Вдруг раздался пронзительный крик.

Кто-то звал его имя.

Ли Цинжань изо всех сил открыл глаза и увидел вдалеке фигуру, которая бежала к нему с безумной скоростью.

Ван Даху чувствовал, что никогда в жизни не был так зол.

Когда он, не раздумывая, прыгнул в яму и вытащил Ли Цинжання, когда увидел его, весь в навозе, с потухшими глазами, в его голове вспыхнуло желание убить.

Сунь Дачжуан и его компания, увидев Ван Даху, сразу же струсили.

Подростки всегда были шумными и назойливыми, но когда дело доходило до драки, у них не хватало смелости. Увидев, как Ван Даху яростно защищает «паршивца», они испугались. Ведь этот парень был тем, кто даже сумасшедшего из семьи Ли не боялся избить!

— Пошли! — Толстый Сунь Дачжуан пулей бросился бежать, остальные, переглянувшись, последовали за ним.

Ван Даху сейчас было не до них. Он быстро взвалил Ли Цинжання на спину и побежал к своему дому.

Во дворе черная овчарка, услышав шум, начала громко лаять.

Бабушка вышла из дома и, увидев внезапно появившегося внука, вся в грязи, чуть не упала в обморок.

— Что случилось, что случилось? — Бабушка, дрожа, подошла ближе. — Как ты сюда попал... как ты упал в навоз?

— Эх, бабушка, я потом объясню, сначала вскипяти воду.

Ван Даху положил Ли Цинжання на кровать в своей комнате и быстро снял с него всю одежду.

Ли Цинжання крепко закрыл глаза, не издавая ни звука, словно был мертв, что еще больше тревожило Ван Даху.

Хотя яма была большой, она не была глубокой, и, к тому же, сейчас была зима, и большая часть содержимого затвердела. Упасть туда не представляло угрозы для жизни. Но... Ван Даху с болью погладил синее лицо мальчика, самое страшное было это унижение.

Когда вода закипела, Ван Даху вместе с бабушкой помыли Ли Цинжання.

Сам он тоже быстро привел себя в порядок.

Запах, исходивший от них, был настолько отвратительным, что хотелось стошнить. Они открыли двери и окна, чтобы немного проветрить.

В другой комнате бабушка засыпала внука вопросами.

Ван Даху, почесав затылок, сначала подошел к телефону и позвонил домой.

Чжан Фан, услышав его голос, тут же разрыдалась.

Сегодня утром Ван Даху тайком сбежал из дома и сел на автобус до деревни Синье. Чжан Фан была занята в магазине и не сразу заметила его отсутствие. Когда она поняла, что что-то не так, Ван Даху был уже почти на месте.

Что может быть самым страшным кошмаром для матери?

Ответ прост — потерять ребенка.

Теперь, услышав голос сына и узнав, что он в безопасности, Чжан Фан не могла сдержать эмоций.

Конечно, за этим следовал невиданный ранее гнев.

Ван Даху слушал, как его мать кричала в трубку, и чувствовал себя виноватым. Его самовольный поступок действительно был слишком дерзким. Он терпеливо выслушал получасовую тираду, пока Чжан Фан не сказала:

— Вернись домой — разберусь, а сейчас дай трубку бабушке.

Уши Ван Даху наконец-то получили передышку.

Он наклонился и зашел в комнату. Ли Цинжань по-прежнему лежал на кровати, тихий и неподвижный. Ван Даху осторожно поправил ему одеяло.

Прошло несколько часов, и совсем стемнело.

Дедушка Ван Даху вернулся из сельского комитета и, увидев внезапно появившегося внука, тоже начал ругать.

Бабушка тут же вмешалась. Хотя она и была напугана, но в то же время радовалась, что снова видит внука.

— Наш Хуцзы — молодец! Такой маленький, а уже сам может ездить на автобусе, какой умница!

Обычно Ван Даху тут же начал бы шутить: «Это потому, что у тигра бабушка — не собака», но сейчас он был слишком обеспокоен Ли Цинжанем, чтобы шутить. Дедушка, посмотрев на подавленного внука, в конце концов сжалился и, сказав пару слов для порядка, замолчал.

Бабушка, вдохновленная приездом внука, решила приготовить еще пару блюд.

Ван Даху помогал ей разжигать огонь на кухне.

— Бабушка... — воспользовавшись моментом, Ван Даху тихо спросил у старушки. — Сколько дней уже прошло, как ушла мама Жань-жаня?

<http://bllate.org/book/16441/1490702>